

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

**АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ**

**БИТВЫ
ВОЛКОВ**

Спецназ. Группа Антитеррор

Александр Афанасьев

БИТВЫ ВОЛКОВ

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Афанасьев А. Н.

Битвы волков / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2015 — (Спецназ.
Группа Антитеррор)

ISBN 978-5-699-83240-8

В Грузии на выборах снова побеждают русофобы, которые немедленно открывают американским военным доступ к российской границе. Там под их покровительством начинают функционировать лагеря исламских боевиков. Ваххабиты устраивают налет на один из аулов российского Кавказа. Офицер ГРУ Александр, работающий в Дагестане, помогает местному амиру Хамзе отбить атаку наемников. Но на этой маленькой победе спецназовец не останавливается. У него рождается дерзкий замысел – натравить исламских боевиков на американцев...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83240-8

© Афанасьев А. Н., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Дорога в Ахачаул	6
Начало	10
Ночь на 21 мая 2018 года	19
Картинки из прошлого	22
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Афанасьев

БИТВЫ ВОЛКОВ

*Живые мишени, живые мишени,
Готовы заряды на совесть и честь.
Не будет прощенья, не будет прощенья —
живые мишени,
Живые мишени... — кровавая месть...*

*Живые мишени, живые мишени,
Любовь и отвага души доброта,
Просят отмищения, просят отмищения —
живые мишени...
Живые мишени... — живые пока...*

*Живые мишени, живые мишени,
Все под прицелом, никто не забыт.
Выходим как тени, выходим как тени, —
живые мишени...
Живые мишени... — живые...*

*Живые мишени, живые мишени —
Прицел одноглазый находит тебя,
Приходит крещение, приходит крещение —
живую мишенью...
Живую мишенью... — без разрешения!..*

Живая мишень. Ирэна Кокрятская

© Афанасьев А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Дорога в Ахачаул

Дагестан – это не Россия, не русская земля. Тот, кто утверждает обратное, вероятно, ничего не знает и ни разу там не был.

Больше всего – Дагестан похож на Средний Восток. Пакистан, Афганистан до того, как там началась война, иранское Приэльбрусье, Ирак, немного Сирия. Та же самая земля, бедная, дающая мало урожая, те же самые террасы на склонах гор, на которые поколения крестьян натаскали земли из долин на выючных животных и собственном горбу и сейчас посадили там сады и занимаются земледелием. Те же дома – по крайней мере в сельской местности.

От вышеперечисленных стран Дагестан отличается огромными экранопланами на махачкалинском пляже (ни в указанных странах, ни в самом Дагестане даже не представляют, что такое экраноплан, не говоря о том, чтобы понимать, как он летает и для чего он нужен), типично советской застройкой во многих местах (на Востоке строят в основном из глиняных блоков и кирпичей, в Дагестане есть и панельное строительство, и кирпич, и современные шлакоблоки) и огромными вложениями в «капиталку», сделанными при предыдущих поколениях. Например, на Востоке нет ни таких тоннелей, ни таких дорог, если они не остались от англичан. Там просто не могут себе такое позволить, понимаете?

Совершенно ничего не знает про Дагестан Юлия Латынина, которая опубликовала несколько романов про Кавказ. В ее романах у каждого уважающего себя горца есть «Порш Кайенн» или шестисотый «Мерседес», да еще и бронированный, они лихо летают по горным дорогам, расстреливают друг друга из автоматов, у них сейффы полны наличных денег и они готовы убивать друг друга из-за невпад сказанного слова. Все не так.

На самом деле Дагестан беден. Мы, русские, живущие в относительном благополучии, не можем себе даже представить, насколько Дагестан беден. Это не могут себе представить даже те люди, которые живут в провинции, не говоря уж о тех, кто живет в Москве. Я лично знаю человека, который живет в одном городе со мной – мы общаемся. Он татарин, как все татары – сметливый и прижимистый. Из простого водителя за восемь лет он превратился во владельца трех самосвалов, одной «Газели» и еще двух каких-то машин. Ему дали кредит в банке на покупку первого самосвала, он нашел работу, заказчики с ним расплачивались, никто не пытался вымогать с него деньги, налоги он платил очень и очень небольшие. Подобная история успеха в Дагестане практически невозможна, почему – поймете чуть позже.

Когда ты приезжаешь в Дагестан, первое, что бросается в голову – это обилие старых, часто советских автомобилей на дорогах. «Порш Кайенны» и бронированные «Мерседесы» если и существуют, то в гомеопатических количествах. Основная машина махачкалинских пацанов, тех, у которых есть деньги, – это «Лада Приора», эту же машину в основном используют эскадроны смерти, которые в Дагестане существуют. Те, у кого денег меньше, – довольствуются старьем, в основном это «десятки» и «девятки». В отличие от Чечни, «Нива» распространена мало. Маршрутки – а в Махачкале не существует нормального автобусного сообщения – это либо старые-престарые, ушатанные «Газели», либо древние «рафики», выпуск которых прекратился с распадом Советского Союза. Нигде, кроме Кавказа, на таких машинах не разрешают перевозить людей. На междугородке – в основном «ПАЗы», тоже старые, про китайские автобусы и переделки из импортных грузовых фургонов, обычных для Москвы, там пока только слышали.

В отличие от остальной России большая часть торговли идет через магазинчики на первых этажах и в пристроях и через ларьки, которые во многих городах России уже снесены. Строят в Дагестане мало – просто не рискуют, несмотря на то что прирост населения там большой, едва ли не больше, чем где-то по России. В Махачкале полно самостроя, каждый пристраивает себе что-то – на крыше, перестраивает балкон, если на первом этаже – могут

целую комнату себе пристроить. Подобное – есть в Пакистане, есть в Азербайджане, но в России нигде, кроме Дагестана, такого нет.

Работы в Дагестане нет. Дагестан и Кавказ в целом – едва ли не единственная территория в России, где реально существует проблема безработицы. Зарплаты там настолько невелики, что в России мало кто согласится работать за такие деньги, квалифицированный рабочий в России может получать в четыре-шесть раз больше, чем рабочий в Дагестане. Многие перебиваются на поденных работах, многие самозаняты. В отличие от остальной территории России здесь практически не произошло восстановления промышленного производства, остановившегося после крушения СССР.

В отличие от России в Дагестане сохранился организованный рэкет. Есть там и терроризм, хотя все немного не так, как принято себе представлять.

Дагестанское террористическое подполье делится на две неравные части. Они зависят друг от друга и не могут существовать друг без друга, хотя цели у них принципиально разные.

Большая часть «исламского террористического подполья» – это и не подполье вовсе. Это бандиты, самые обыкновенные. Рэкетирь, но с местной спецификой. Дело в том, что в Дагестане очень сильны родственные и племенные связи, и просто так рэкетировать, вымогать деньги, поджигать ларьки нельзя – моментально нарвешься на разъяренных родственников и соплеменников. Поэтому вымогают на джихад. Неотъемлемой частью общественной жизни Дагестана является флешка (раньше видеокассета). На них – нужному человеку посылают записанное где-то видео, где человек в камуфляже и черной маске на фоне черного флага рассказывает «бизнеру» или чиновнику, разбогатевшему от воровства, о том, где живет его семья, в какую школу ходят его дети, и наконец – кому и сколько надо платить. Если не будешь платить – последствия самые разные: сожгут магазин, взорвут машину, расстреляют или зарежут самого. Разницы, правоверный ты или нет, никакой, просто правоверные платят закят, а неверные – джизью, предусмотренный в Коране налог на неверных на мусульманских землях. Ничем иным кроме бандитизма это не является, хотя все это преподносится как терроризм.

Есть серьезные основания полагать, что часть таких рэкетирских флешек посылают работники дагестанской полиции, скрыв масками лица, чтобы не было видно, чтобы их не опознали, не уволили из органов и не привлекли к уголовной ответственности. Так они подрабатывают.

В банды идут оттого, что нет нормальной работы и нет законной возможности разбогатеть. Дагестан является едва ли не единственной территорией России, где «революция девяностых» не изжиты, они продолжают, правда, под черным флагом джихада.

Таких вот бандитов в «исламском сопротивлении» – восемьдесят – девяносто процентов. Обычно этих же бандитов берут штурмом, показывая эффектные кадры на ТВ, этими бандитами заполняется отчетность по искоренению терроризма в республике. Но терроризм почему-то не искореняется.

Вторая категория – это идейные террористы. Самые опасные, их не так просто взять, хотя спецслужбы сильно продвинулись в этом деле за последние годы, мало какой назначенный на территории амир проживает больше года после назначения. Пополняется эта категория чаще всего за счет бандитов: когда человек делает что-то, за что предусмотрено пожизненное или серьезный срок (например, убил ментов), он уходит в горы и начинает жить жизнью террористического подполья. Эта категория также пополняется за счет забрасываемых на территорию России террористов и пришлых, искренне верящих отморозков с других регионов страны. Ярким примером последней категории являлся «Че Гевара джихада», шейх Саид Бурятский, в миру Александр Александрович Тихомиров. Можно вспомнить еще Виталия Раздобудько и Марию Хорошеву, Алексея Пашинцева... таких достаточно, больше, чем принято считать.

Эти конкретно занимаются террором. Существуют они за счет части денег, которые им «отстегивают» рэкетиры, и за счет поступлений из-за рубежа, конкретно нацеленных на то, чтобы дестабилизировать обстановку в России и силой отторгнуть от нее Кавказ. Они тоже посылают флешки, но флешки совсем другого рода. Например, ты включаешь флешку и видишь, как твой сын или племянник сидит в окружении бородачей и называет тебя муртадом и мунафиком и говорит, что если ты не прекратишь преследовать мусульман, он сам тебя убьет. Террористы действительно верят в то, что делают, и действительно идут на смерть за свои убеждения.

Отдельной категорией в Дагестане является полиция. Вообще... по всей России у полиции худо с соблюдением законности и прав граждан, но Дагестан – это что-то особенное, сильно выделяющееся на общем фоне. Обстановка «чрезвычайщины», «победы любой ценой» дает полицейским большие права, и они активно пользуются ими. Среди полицейских есть немало честных и порядочных людей, но есть и совсем другие, и о полиции судят как раз по этим, по другим. А такие полицейские сами занимаются вымогательством, только со штатным оружием, сами ставят «крыши». Похищают людей, объявляя их ваххабитами, и дают семье и роду время, чтобы собрать деньги на выкуп, угрожая в противном случае забить задержанного до смерти или провести по делу о терроризме и подвести под пожизненное. Сами записывают флешки, чтобы вымогать деньги у местных бизнесменов. Автор не раз слышал рассказы оперативников, ездящих туда в командировки для оказания практической помощи, которые вынуждены были пресекать противоправные действия местных коллег. Избитый, иногда и искалеченный таким образом в отделении невиновный человек с гарантией пополняет ряды противников власти, а то и лесных братьев...

Так что беспредел в Дагестане давно перешел в самоподдерживающийся режим, и для того, чтобы навести порядок, надо начинать с самих правоохранительных органов. Не раз слышал мнение побывавших там людей: для наведения порядка первым делом надо расстрелять перед строем пару подонков-полицейских, про которых все знают, но никто ничего не делает. Только после этого – бороться с терроризмом.

Есть и еще одна проблема – и в Дагестане, и на Кавказе, и по всей необъятной Руссаматушке, которая не дает иссякнуть тем ручьям, которые вливаются в полноводную реку льющейся там крови.

Я говорю про справедливость.

Тема справедливости на Кавказе очень чувствительна, про нее там не забыли. В то же время из официального дискурса она там почти исключена.

Для чего я привел здесь ниже небольшой рассказ «Если бы Пророк пришел к тебе». Я привел этот текст для того, чтобы мы все задумались. О корнях терроризма, а не о его ветвях. Почему молодые люди, которым только жить да жить, – идут в террор? Почему официальный ислам, какой сейчас разрешен, многих не устраивает, причем настолько, что они готовы и убивать, и умирать за другой ислам.

Проблема – и во власти, и в Духовном управлении мусульман – в том, что там не действует режим самоочищения, зато прекрасно действует режим круговой поруки. Когда чиновник ворует деньги, предусмотренные для дагестанцев, для бедных людей, для того чтобы создавать им рабочие места, – это просто преступление. Все это видят, и послать такому чиновнику флешку с требованием платить, для многих людей это хоть какая-то справедливость, другой-то нет. Но это просто преступление. А вот круговая порука в Духовном управлении мусульман – это еще и мерзость. Мерзко, когда люди воспринимают веру, религию как способ наживы, когда за деньги, на которые они могли бы помочь бедным, они покупают себе «Тойоту Ланд Крузер», когда строят себе на эти деньги дом. Религия должна быть не от мира сего, она должна находиться на недостижимой для обычного человека моральной высоте, и священнослужителями – не важно какой религии – должны быть люди не от мира сего.

Скажите, кто из священников или имамов не пустил в церковь или мечеть чиновного вора? Хоть одного можете назвать? Лицемерие, цинизм, прислужничество – это видят те молодые люди, которые уходят в лес. Хорошо видят...

Проблема – и в отсутствии идеологии. Хоть какой-то, лишь бы такой, которая бы зажигала сердца людей. Красной – пусть красной. Белой – пусть белой. Но сейчас есть только одна действенная, живая идеология. Идеология, окрашенная в черный цвет джихада и алый цвет крови...

И подводя итог, должны ли мы, русские, уйти из Дагестана и просто бросить эту землю?

Ответ – нет, не должны. Если не хотим, чтобы через десять лет после нашего ухода Дагестан превратился в Афганистан, а еще лет через десять – в Афганистан превратилась бы большая часть нашей страны.

Мы, русские, можем и должны навести порядок. Мы, русские, должны вспомнить про справедливость и одинаково строго карать как террористов, так и негодяев, творящих свои неупотребства, прикрывшись милицейской и военной формой. Мы, русские, должны напомнить и самим себе и всему миру, что такое «каспийские монстры», экранопланы, и дать людям возможность зарабатывать на жизнь трудом, а не разбоем. Если русских не станет, Кавказ моментально свалится в средневековую дикость, с поисками колдунов, с беспределом, с резней одного села другим селом, с казнями на площадях, с эпидемиями, с кровной мстостью по триста – четыреста лет. И в конечном итоге не останется никакого решения, кроме как выбомбить эти горы и все их население. Пока другие варианты есть, и их немало.

Мы, русские, никогда не уйдем с Кавказа. Вопрос в том, что мы туда несем. Справедливость и мир или...

Начало

20 мая 2018 года

Дагестан, Россия

Рынок «Восточный»

И все-таки... не то... нет, совсем не то.

Как это обычно и бывает в городах Востока, центром общественной жизни дагестанской столицы является рынок. Скажу честно, я не первый раз на восточном рынке и могу сравнивать. Я был на золотом рынке Дубая, в этой пещере Алладина, я был в Пешаваре, на Кархана-маркете, который занимает целый жилой район, я ждал осведомителя на рынке Машкуф в сирийском городе Хомсе и так и не дождался, и выбираться оттуда пришлось с боем, я торговался с афганскими таджиками за комплект пуштунской одежды на рынке в Хороге, столице таджикского вилайята Горный Бадахшан, чтобы не привлекать внимания на той стороне, за речкой. И сейчас я вам с уверенностью скажу, что Дагестан и его рынок – это совсем не то, не Восток. Это колхоз. Колхозный рынок. Пусть и с местным, непередаваемым колоритом...

Просто колхоз...

Толчая машин и людей на входе, куча рекламных плакатов – то, что Коран запрещает изображать живые существа – пофиг-нафиг, изображают, и еще как. На входе ларек, в нем есть даже старые магнитофонные кассеты на девяносто минут – тут магнитофоны еще в ходу, хотя во всей остальной России музыку уже покупают на дисках или скачивают. Попугайская пестрота обложек, в Дагестане несколько ходовых языков, и у каждого народа теперь есть хоть одна эстрадная знаменитость, которая поет на их языке – имя этой знаменитости за пределами Кавказа никому ничего не скажет, но здесь они популярны, их приглашают петь на свадьбах. Опять-таки никакого почтения к шариату, на обложках – указанные звезды, часто не совсем одетые, иначе продаваться не будет. Тут же менялы ноют: «Доллары, доллары берем», евро здесь почему-то не прижились, хотя в банках поменять могут, нищие с того берега Каспия бубнят – садаху, садаху давай ради Аллаха. Садаха или Саадака – это милостыня, положенная в исламе. Несмотря на чудовищную безработицу, своих нищих тут нет, каждый нищий – это позор для народа, а народов тут много и позориться нельзя. Любому найдут место, любого пристроят – вкалывать на стройке, пасти овец в горах или оформят фиктивную инвалидность, по которой от куфарского государства будут приходить деньги просто так. Обычно фиктивную инвалидность оформляют в пополаме с врачом так что врачи здесь богатые люди. Это не говоря о других подработках, начиная с тайного лечения раненых боевиков и заканчивая такими щекотливыми услугами, как восстановление девственности.

– Тебя ждать?

Здесь все обращаются друг к другу на ты, если считают тебя своим. Меня считают, и это хорошо.

– Нет, баркалла, брат. Вот, держи.

Я передаю деньги.

– Рахмат...

Выбираюсь наружу. Солнце сегодня печет по-летнему, и видимость – как говорят авиаторы – на миллион. И люди. Толчая, шум машин... Дагестан очень населен, особенно его столица, и это хорошо видно. Хотя с тем же двадцатимиллионным Карачи не сравнить...

Мне – внутрь.

Недавно павильоны накрыли прозрачными куполами из какого-то оргалита, но стало только хуже, теперь дышать нечем, не проветривается совсем. Я прохожу через ворота, мимо

голового по пояс сборщика дани, и окунаюсь в торговые ряды... многоголосый, на разных языках торг, непередаваемый аромат химии от тюков китайского шмотья, бесстыдно выставленные на витрине бюстгальтеры размера такого, что одну их чашку можно использовать, как подкладку под шлем. Тут же шмыгают пацаны, предлагают позвонить с левых мобил, разносят куски чуда¹ и горячий чай, если зазеваешься, могут и ограбить. Но меня не ограбят, я и не такое видал.

Я работаю в одиночку, без прикрытия. Ставлю сеть. Еще год назад, ее не было. Но теперь, в связи с изменившимся характером угроз, секретным указом Президента вся территория СКФО приравнена к иностранным государствам, и теперь СВР и ГРУ могут работать здесь, налаживать агентурные сети, вести активную агентурную и радиоразведку. Решение, можно сказать, давно назрело. Местные правоохранители неэффективны и коррумпированы, а приезжие (точнее наезжие) эмвэдэшники и фээсбэшники озверели, спелись с местными и теперь творят такое... Я вам еще расскажу о том, что они творят. Все это приводит к обострению ситуации здесь и на Кавказе в целом, нарастанию негативных настроений, продолжающемуся оттоку людей в горы и на Ближний Восток, на джихад. Отъезд на Ближний Восток массовый – начался после того, как в Сирии началась гражданская, точнее гражданско-религиозная война и продолжается до сих пор. По данным местного ФСБ, только из Дагестана выехали на джихад несколько тысяч человек, эти цифры вам никто не подтвердит, но это так. Выезжают все, начиная от пацанов, которые нажили себе кровников или попали в розыск, и заканчивая такими одиозными персонажами, как Абу Банат (в переводе – отец дочерей). Бывший сотрудник ГИБДД, он принял радикальный ислам и выехал на джихад, в Сирии сколотил группу из конченных отморожков. Их действия вызвали ненависть местного населения, и даже кураторы из «Аль-Каиды» вынесли им такфир, то есть обвинение в неверии и в том, что они действуют не по воле Аллаха. Абу Банат горевал недолго – присоединился к Исламскому государству, там с этим проблем нет, там таких отморожков полна коробочка...

Сегодня на рынке у меня встреча с информатором. Ваха, связан с ваххабитами, его брат Хамзат, или Гамза, давно поднялся², но ему подниматься запретил, сказал, кто-то должен заботиться о семье. Но он поддерживает контакт с братом и является одним из связных бандподполья. Работает в Махачкале таксистом. Ну и... помогает, чем может. Покупает сотовые телефоны... их бандитам требуется много, это расходный материал, сдает обратно на рынок паленые, закупает жратву, передает кому надо флешки и забирает деньги. Понятно, что и сам не бедствует, даже наоборот – скромный таксист по данным, которые можно выловить в базе данных юридических лиц ЕГРЮЛ, является собственником семи фирм, приносящих доход. Это уже следующая стадия эволюции местного бандподполья, которое прошло все те же стадии, через какие прошли и наши бандиты в девяностые. Сначала воевали за идею, потом начали собирать закят. Потом закят стал важнее идеи, сейчас бандподполье – это на девяносто процентов рэкет и на десять процентов – джихад, причем теракты имеют целью в основном устрашение коммерсов, чтобы платили. Все просто – приходит тебе флешка, там человек в черной маске и с автоматом на фоне черного флага джихада разъясняет тебе, что если ты торгуешь, то должен платить закят. А если ты не мусульманин, то ты должен платить джизью. Денег в республике не то что много, но больше, чем в прошлые годы, и поэтому платят. Какое-то время бандиты просто не знали, что делать с деньгами, с общаком – байтулмалом. Закапывали в землю, в тайники, носили с собой, однажды при разгроме банды у одного из боевиков обнаружили целый рюкзак наличных денег. Потом бандиты стали умнее, теперь деньги передаются родственникам, те на них открывают торговлю, заведения общепита, покупают недвижимость под сдачу в аренду. В Кызыльюрте например, открылась сеть магазинов, которая так и называется «Байтулмал». Это чтобы всякие лохи соображали и лишнего не думали. Кто поглупее,

¹ Местная выпечка.

² Ушел в горы, примкнул к бандформированиям.

покупает здесь, а кто поумнее, отправляет родственникам, и те покупают в российской провинции, а то и в Питере, в Москве. Деньги вкладываются, работают, приносят доход. Думаю, лет через десять трансформация окончательно завершится – слезут с гор, выйдут из леса, наденут костюмы, купят «Мерседесы» и будут торговать, строить дома, разводить овец и кур и крайне нервно реагировать на упоминания о прошлом...

Но до этого надо еще дожить...

Всем. В том числе и мне.

В такой толчее получить заточку в спину и отправиться, как говорят местные, в аха-чаул³ проще простого, но я туда не собираюсь. Куртка, которую я ношу, она немецкая, подбита изнутри кевларом, жарко, но делать нечего. На поясе в сумке-пидорке – пистолет с запасным магазином, который со мной еще с Пакистана. Это «СИГ226», но под патрон «ТТ», с четырнадцатиместным магазином⁴. Самое то, если учесть, что обычно киллеры здесь работают с машин. Если задержат... то будет плохо, но вряд ли задержат. Надо просто знать некоторые правила, чтобы не выделяться из толпы...

Чистая психология...

Точка один – это магазин религиозных товаров и принадлежностей. Он расположен в глубине торгового ряда, у него скромная вывеска, и здесь торгуют часами и телефонами, которые подают сигнал о намазе и даже умеют петь азан, ковриками для молитвы, религиозной литературой, например, «Крепостью мусульманина». Здесь мы должны увидаться с агентом и, не вступая в контакт, проверить друг друга – есть ли хвост...

– Уважаемая, вот эти штаны покажите, да...

Торговка – толстая, золотозубая – лыжной палкой снимает с витрины требуемое и протягивает мне, не переставая громогласно жаловаться кому-то на жизнь по сотовому телефону...

– ...Я ему сколько раз говорила... Сколько раз говорила, не бери эту проститутку, у них в народе все такие проститутки, да. Возьми нашу, сколько хороших девочек есть наших, да. И вот теперь что делать... вах... позор на весь род...

Похоже, сын не послушался маму и женился по любви. И теперь ему это вышло боком.

Сэ ля ви. Такова жизнь...

– И вот теперь что делать... да что делать... Запись эта уже по всему городу есть... вай... стыд какой, на улицу не выйти...

А вон и мой агент. Нервничает. Но это нормально, я бы на его месте тоже нервничал. У ваххабитов в Уголовном кодексе только одна мера наказания...

Высшая.

Идет к магазину. Сумка в левой руке – значит, есть послание, готов к контакту. Контакт у нас происходит, как в старые добрые времена – моменталкой. То есть мы встречаемся где-то и обмениваемся флешками при мимолетном контакте. Ни о каких разговорах, встречах в кафе и так далее не может быть и речи. Здесь даже у стен есть уши...

Заходит.

Хоп! А это что? Точнее – кто?

Да... вон тот фрукт стоит. Он кто такой?! Явно не местный. И работает он... кто же так работает... что за хрень...

– Хороший товар, дорогой, недорого отдаю, последнее. Брать будешь, скидку сделаю...

Я бы, конечно, поспорил с тем, что этот китайский костюм так уж хорош. Но на безрыбье, как говорится...

– Померить бы...

³ Местное расхожее выражение, в оригинале означает «сорваться в пропасть», но теперь употребляется как общее обозначение больших неприятностей.

⁴ Такие действительно существуют.

– А вон, у Резиды! Резида!

Примерочная кабинка здесь – это просто покрывала, вывешенные кругом. И вешалка. Но больше мне и не надо. Я захожу туда, начинаю раздеваться, краем глаза заметив, что тот козел говорит по телефону.

И мне надо. Набираю номер.

– Ле⁵, салам Ваха, дорогой, это я.

– Салам. – Голос испуганный.

– К тебе родственники приехали, – не спрашиваю, а утверждаю я.

...

– Сделаем так. Моя машина стоит во дворах, через дорогу. Белый джип «Паджеро», понял меня? Подтверди...

С агентом надо сохранять контакт, постоянно держать его. Я представляю, как ему сейчас страшно...

– Понял.

– Подтверди машину.

– Белый «Паджерик».

– Точно. На мне – синий спортивный костюм, нулевой, меня заметишь. Сейчас я выхожу и встану на углу, там, где посудой торгуют. Ты отсчитываешь двести и идешь следом. Как только заметишь меня – сделай звонок. Понял?

– Понял. На созвоне.

– Точно. Я иду к машине, завожу ее. Ты – за мной. Не дергайся, просто смотри машину. Сзади дверь будет открыта. Идешь рядом с машиной, открываешь дверь, падаешь в тачку, и мы уходим. Они не ожидают, что у тебя появятся колеса. Понял?

– Да. – Голос напряженный, но в то же время заметно и облегчение. Куратор здесь, он не бросил и знает, что делать.

– Ты знаешь, почему за тобой следят?

– Знаю. Флешка в часах.

– Понял тебя.

– Вытащишь меня, станешь родным всему нашему роду.

– Ле, Ваха, не надо мне это говорить. Просто делай, как я сказал. Удачи...

Обрываю связь. Костюм оставляю на себе, он заметнее – сейчас это важно. Только куртку, пожалуй, наверх накину. Выхожу.

– Сколько?

– За полторы отдам. Вай, жених какой...

Да уж...

Чуреков уже двое, и что самое плохое, они не скрываются... стоят почти открыто, плятятся. Совсем оборзели. Может, это менты? Кувыркнуть, что ли, их? Зарубиться – это здесь легко, толкнул и все. Поднять скандал – тут же толпа сбежится со всех сторон.

Нет, так не пойдет. Надо работать.

Иду медленно – и тут замечаю, случайно, что их уже не двое, а трое. Один появился с той стороны, с которой пришел я, то есть перекрыл ряд с двух сторон.

За мной? Да быть не может, я сколько крутился. Тем более что Ваха сказал – он знает, кто это, и знает, почему. Работать здесь они не посмеют – это базар, только рыпнутся, их тут на куски порвут. Тем более что Ваха свой, а они – нет. На улице работать тоже не посмеют – начнут во дворах.

Падлы...

⁵ Распространенное в Дагестане обращение к взрослому мужчине, ставится первым в предложении.

Знал бы, не так бы машину поставил – поставил бы на улице. Даже рискуя тем, что на незнакомую машину вызовут взрывотехников. Но играть приходится теми картами, какие есть.

Отдергиваю вниз молнию на пидорке, теперь рывок – и пистолет сам выскочит в руку. Достая телефон. Телефон у меня хороший, по местным меркам, супер просто – «Йота» последней модели, у него две камеры – спереди и сзади. Спереди – это для селфи и чатов. Но можно, типа, говоря по телефону, на самом деле смотреть на экран и понимать, что происходит у тебя за спиной.

Пойдут за мной или не пойдут?

Не пошли. Значит, идут за Вахой, но то, с кем у него контакт, не знают и меня не опознали. Уже лучше.

Выхожу. Сразу за цивилизованным рынком начинается рынок нецивилизованный, ранние овощи и фрукты лежат на постеленных прямо на земле картонках, тут же плакатики, на которых написано, откуда, из каких сел товар. На противоположной стороне улицы стоит ментовский луноход, около него мент ртом ворон ловит. Значит, скорее всего, не менты и не ФСБ. Если бы они – этих клоунов бы убрали отсюда...

Б... а если прямо здесь перестрелка начнется? Это же звиздец!

Может, они как раз и стоят тут, чтобы Ваху принять? Да нет, быть не может. Это не переодетые, зуб даю. Обычные патрульные. Двести пятьдесят тысяч, и ты получаешь ментовскую форму и с ней право решать вопросы и обирать торговцев. Менты – это тоже своего рода спина, как и род, как и туххум⁶. Без спины тут нельзя, сожрут. Потому и стоит эта должность двести пятьдесят штук, большие деньги для местных...

Прозвон срывает меня с места. Ваха выходит...

Иду не торопясь, но и не медля, перехожу дорогу. Назад не смотрю – не дай Аллах, эти поймут. Прохожу мимо лунохода, убеждаясь, что это нет, это не волкодавы. Из машины, заглушая рацию, орет мусульманский рэп.

Мое имя Нариман, моя религия ислам...

Ослы конченные. Вот как сдюжить с преступностью и с бандитизмом с такими осликами – один стоит, ворон ртом ловит, на баб пялится, второй спит, может, и пьяный, рацию не слышно. Вот как...

Моя машина стоит во дворах. Это «Мицубиси Паджеро» с мощным движком, три и пять, но подержанный, я его всего за пятьсот купил. По местным меркам машина что-то между дорогой и средней – богатые покупают новые, а у бедных нет денег и на такое. У нее дистанционный запуск от ключа и дистанционная разблокировка дверей – причем без сигнала, я попросил убрать это дебильное пиликанье, и снимается с охраны, и встает на нее она бесшумно, без пиликанья и мигания фарами. Это немаловажно. Есть в ней и другие сюрпризы...

Ласточка моя белокрылая, стоит на месте и ждет меня, движок работает. Я ее купил по знакомству, она пришла из Саудовской Аравии, здесь такие машины не редкость, их можно отличить по белому цвету, полосам – принтам на боках, обязательному запасному колесу сзади, большому багажнику на крыше и лестнице туда – саудовские шейхи, когда ездят по пустыне, им надо место, чтобы сложить канистры с водой, топливом, палатку и дрова для костра – все это наверх идет, на багажник. Несмотря на относительную новизну – машина одиннадцатого года выпуска, – обошлась мне она совсем недорого. Значит, перегнали ее на пароме через Каспий, а растаможили по какой-то левой схеме. Но это нормально – раз все так живут, значит, и я так жить буду.

С этой машиной я съездил в Волгоград и там, на оборонном заводе, мне взяли движок в титан со всех сторон, поставили вставки из титана в двери, в крышу и в спинки сидений, чтобы

⁶ Спина – поддержка, крыша. Туххум – группа родов.

если вслед стрелять будут, титан остановит. Дал я за это дорого, но сделали качественно, и главное – в приемистости, в проходимости машина ничуть не потеряла...

Рука на плече...
Печать на крыле...
В казарме проблем – банный день!
Промокла тетрадь.
Я знаю – зачем
Иду по земле...
Мне будет легко
Улетать...

Привычно настраиваю себя на работу... легко не будет, но легких путей мы и не ищем...
Левой рукой – дверь, правой – передачу, я уже в машине. Поправляю зеркало заднего вида, чтобы видеть, что происходит сзади. Вижу Ваху – он идет быстро, но не бежит. Эти – за ним, расстояние метров двадцать, уже не скрываются...

Кто они такие? Один еще может сойти за местного, но второй точно нет, несмотря на ваххабитскую бородку. И не похожи они на топтунов... вот хоть убей – непохожи. Особенно тот, первый. Ему за сорок, а здесь на Кавказе – культ старших никуда не делся. Если он имеет какое-то отношение к бандформированиям, он давно был бы амиром.

Стоп. Что за идиотизм, какие бандформирования? Там нет никого практически, кто был бы за сорок, очень немного тех, кому за тридцать – боевики долго не живут. Ну какие это боевики...

Тогда кто это?

Перед самой машиной Ваха вдруг срывается на бег. Я едва успеваю разблокировать двери – их надо разблокировать в самый последний момент, ибо нехрен. Эти тоже бегут, я трогаю машину... пока медленно... Ваха каким-то чудом открывает дверь, падает... и тут я даю газ. Боевики не успевают самую малость...

– Перебирайся вперед!

Бросаю взгляд в зеркало... ни у одного не видно оружия, один что-то говорит то ли по рации, то ли по сотовому. Менты? Да и на ментов не похоже – у мента к этому времени подошла бы выслуга. Тогда кто они и какого хрена происходит?

– Кто это?

– С лагеря!

– Какого лагеря?

Мы поворачиваем... внутридворовая дорога через проезд ведет на улицу, и я неправдоподобно четко вижу в притемненном лобовом стекле (максимум пятнадцать процентов, все по закону) человека в куртке с капюшоном и сумке на плече – он стоит в стрелковой стойке и целится в машину из штурмовой винтовки.

В меня. По водителю. Я даже вижу, как он держит винтовку – полным хватом за цевье, как учит Крис Коста⁷.

Пригнуться не успеваю – первые пули попадают в лобовое стекло, но я почему-то не чувствую боли, сознание мое не меркнет. Очередь проходится по всему стеклу а дальше мощный, 3,5-литровый двигатель проносит нас мимо стрелка – и мы каким то чудом оказываемся на улице. И каким-то чудом проскакиваем ее, только немного ударив кого-то. А менты сзади даже не пошевелились... хотя тут все ездят, как безумные...

⁷ Крис Коста – профессиональный стрелок, гансмиттер, занимается тюнингом оружия и снимает обучающие фильмы. В мире стрелков занимает примерно такое же место, как Майкл Джексон в музыке.

Лобовое стекло побито. Ветер и пыль рвутся в дыры, в салон машины, бьют по глазам, но мы живы, мы каким-то чудом целы.

– Ваха? Цел?!

Я поворачиваюсь и вижу, как Ваха, белый как мел, медленно клонится вперед...

В Дагестане пулевое ранение – обычное дело, и способы вылечить его существуют самые разные...

Врач «Скорой», которого я знал, жил тут совсем недалеко, в обычной квартире обычной пятиэтажки. Район был тоже самый обычный для Махачкалы – грязь, в хлам убитые «шестерки» и новые «Приоры» с «Вестами», шаркающие днищем по разбитым махачкалинским дорогам. Какая-то база, обнесенная забором, у подъезда на корточках, как уголовники, сидят местные «мэны», уткнулись в свои мобилы и что-то смотрят. На заборе надпись баллончиком – «Сестра, покройся ради Аллаха» – значит, и ваххабнутые тут есть. Покройся – это про ношение хиджаба, тема закрывать или нет свою жену, сестру, невесту – одна из самых популярных в местных соцсетях, сразу на эту тему уже несколько лет. Привычный для любого постсоветского человека облик пятиэтажки едва узнаваем из-за различных пристроен к ней, один вон – шестым этажом пристроил что-то вроде мансарды и крышу пробил, другой на первом этаже пристроил гараж и еще одну комнату. Короче, проблема нехватки жилплощади успешно решается собственными силами...

Отморозки на машину мою посмотрели с любопытством, машина все-таки чужая, и лобовое прострелено, но подходить и начинать знакомиться (брат, какая у тебя селуха?) не стали. И правильно сделали – я ни хрена не расположен к общению.

Вспомнил телефон – у меня ни одной записи в мобиле, я все помню наизусть.

Ответили.

– Алимхан?

– Кто это?

– Салам, дорогой. Это Искандер. Помощь нужна.

– Ты где?

– Здесь, у тебя под окнами. На тачке...

– Сейчас?

– Сейчас, дорогой. Сейчас. Спускайся.

Алимхан лечил и оперировал в своем гараже, переделанном под подпольную операционную. Гараж был неподалеку отсюда, двухэтажный. Он меня знал и знал хорошо – я ему помогал кое-что достать. Например, целокс – это такая штука, сыпанешь в рану, и тотчас формируется кровяной сгусток, кровь останавливается. Он американский и дорогой, зараза, но жизнь по-любому дороже. Еще я доставал для него другие ништяки типа армейских турникетов или израильских перевязочных пакетов. Так что Алимхан имел все основания считать себя мне обязанным, а здесь это немало.

Пока Алимхан занимался Вахой, я осмотрел машину и себя, пытаюсь понять, что нахрен произошло. Тот, кто стрелял, был профессионалом – первый выстрел по водителю, чтобы остановить машину, потом – по пассажиру. Но он просчитался, и вот где. У него был не Калашников – а короткий карабин «ag-15» калибра 5.56 и, скорее всего, с глушителем. И скорее всего, он стрелял тяжелыми гражданскими охотничьими патронами, потому что они тяжелые и лучше подходят для стрельбы с глушителем. Пять и пятьдесят шесть – по целям за препятствиями работает хуже советского «калаша», а тут столкнулось все вместе – короткий ствол, слабый и медленный патрон, глушитель (а у него был глушитель), наклоненное под углом закаленное и еще усиленное лобовое стекло – короче говоря, предназначенная мне пуля просто развалилась на осколки и особого вреда мне не принесла. А вот Вахе попало здорово... я засыпал раны

целоксом, но мне сильно не нравилось, что он потерял сознание. Особо серьезных ранений у него не было – ранение в плечо, но я остановил кровь, и голову осколками порезало...

И все-таки что за уроды это были? Совсем не похоже на местных архаровцев – как они так быстро успели перекрыть двор и поставить на выходе из него стрелка. Стрелка с автоматической винтовкой! Это могло значить только одно – они перекрыли целый район, пытаясь выследить Ваху и его контакт со мной. Делать такое в Махачкале, городе, где спецназ оказывается на месте за пятнадцать – двадцать минут, я бы постремался...

И вообще что это за обострения такие?

Вопрос – что делать дальше. То, что эти уроды не из бандподполья – это девяносто девять процентов. На ментов тоже не похожи. Тогда кто это, на хрен?

– Саша...

Здесь у меня два имени – Саша и Искандер. Зовите, как хотите...

Я захожу. Ваха лежит на операционном столе, бледный как мел.

– Что с ним?

– Ему пуля в голову попала, – Алимхан моет руки, голова Вахи перебинтована полностью, – его в нейрохиргию надо. На коленке это не вылечишь.

– Пуля в голову?!

– Или осколок. Не знаю. Но он в коме. Надо смотреть.

Твою же мать... Только этого не хватало.

– Сам как?

Скорее всего – осколок. Возможно... осколок пули. Пуля разлетелась на куски на стекле, но эти куски проникли в салон и один попал в голову. Такое тоже может быть. Просто не повезло. И если такой осколок попадает... можно и пропустить ранение... принять его за небольшую ранку на коже.

А оно вон как.

– Он в розыске?

– Нет, насколько я знаю.

– Тогда я звоню.

Алимхан выходит на улицу, а я подхожу ближе к Вахе. Все-таки любому куратору не все равно, что происходит с его агентом. Но дело есть дело – и потому, пока Алимхан звонит, я обыскиваю Ваху, забираю телефон и часы. Больше вроде ничего нет...

Алимхан возвращается.

– Приедут. Что произошло?

– Обстреляли нас.

– Сам в порядке?

Алимхан – аварец, а я – русский, но у нас дружеские отношения. В отличие от многих Алимхан свой диплом не купил, а заработал честно. И он отлично понимает, что будет, если верх здесь возьмут ваххабиты. Те самые, для которых лучшее лечение – это многократное повторение первой суры Корана...

– Смотри на палец.

– Да брось ты. Сколько у меня времени?

– Минут пятнадцать – двадцать.

– Он не умрет?

– Кровопотери нет... давление туда сюда... Иншалла, будет жить. Надо смотреть на рентгене, насколько поврежден мозг.

– Его брат поднялся. Так что лучше без огласки.

– Понял...

Я смотрю на улицу. Темнеет...

– Мне бы машину загнать тут. За гараж заплачу, просто передержать несколько дней.

Алимхан думает. Потом берется за телефон.

Ночь на 21 мая 2018 года Дагестан, Россия

Возвращаться туда, где я живу в Махачкале, я не стал. Дал аварийный сигнал – и меня забрали прямо с улицы.

Сейчас я сидел в помещении одной государственной конторы... а какой – не скажу, и просматривал банк данных по фотографиям. На фотографиях были члены бандподполья, подозреваемые в террористической деятельности, члены «Аль-Каиды». Но тех, кого я видел, там не было.

После трех часов просмотра я понял, что это бесполезно, нашел свободный кабинет, накрылся пледом и заснул прямо на полу. Не самое худшее место – мне доводилось ночевать и в худших условиях...

Разбудил меня уже мой курирующий офицер. У него необычное для нашей конторы звание – капитан первого ранга. Дело в том, что у флота теперь нет собственной разведки, все подчинено ГРУ. Андрей командовал разведпунктом в Тартусе, а начинал он на Черноморском флоте. Потому и звания у него идут не армейские, а флотские.

– Ну как? – поприветствовал он меня. – Движения не движения?

Последние слова были типичным дагестанским приветствием, хотя никто не мог объяснить их смысл.

– Погано.

– Что произошло? – спросил он, сбрасывая куртку и принимаясь за приготовление кофе. Я коротко доложил.

– То есть данные удалось спасти, – уточнил он, когда я закончил доклад.

– Вероятнее всего.

– Уже хлеб.

– Да, но мы остались без агента.

– И то верно.

Брат Вахи, Хамза – амир Цумадинского района. То есть фигура в бандподполье. К тому же этот район граничит с Грузией, а с той стороны движения в последнее время идут очень нездоровые. Так что источник информации стратегический. И мы обещали Вахе, что его брат будет живым, пока он будет давать информацию. Это правильно. Всегда надо чем-то жертвовать в поисках компромисса.

– Он сказал, кто это был?

– Нет. Сказал – из лагеря.

– Оттуда?

– Возможно, и оттуда...

– А сам как думаешь?

– Не менты это точно – по возрасту не проходят. Один – не кавказец, хотя и с бородой. Тот, кто стрелял, стрелял из «М4» или чего-то подобного – по мне. Выводы, как говорится... Да уж...

Это началось тогда, когда к власти в Грузии вернулся Михаил Саакашвили. Вернулся он обычным образом, без майдана, просто люди разочаровались в Грузинской мечте⁸ точно так же, как до этого разочаровались в Саакашвили. Вообще грузины, как оказалось, отличались инфантилизмом – я слышал от одного, они проголосовали за Грузинскую мечту, потому что кто-то в райцентре сказал, что ее основатель, миллиардер Бидзина Иванишвили, в случае

⁸ Правящая партия на момент написания книги, точнее – правящая коалиция.

победы всем грузинам по сто долларов раздаст (!). Дикость, но ведь тот человек, с которым я разговаривал, он искренен был! В основном все произошло из-за того, что США в какой-то момент разочаровались в Саакашвили и не стали его активно поддерживать на выборах. И не стали вкладывать деньги в Грузию – надоело, да и сэкономить, наверное, хотели. Но после того, что произошло на Украине, ни о какой экономии не могло быть и речи. США выделили деньги на Грузию, и им опять нужен был свой сукин сын в Тбилиси. Дело могло дойти до Майдана, но не дошло, грузины проголосовали за новую власть, за блок Саакашвили.

Сразу после победы Саакашвили обострил отношения с Россией, заявил о необходимости реинтеграции Абхазии и Южной Осетии, даже и силой, если потребуется, предсказуемо получил товарную блокаду и сам устроил блокаду Армении. Он направил на Украину грузинских военных советников и сам предложил свою страну под базы НАТО. Но это еще цветочки. Какое-то время спустя мы стали получать информацию о том, что в Грузии строятся лагеря для подготовки боевиков, в Тбилиси начались пресс-конференции, на которых начали выдвигать одну гениальную идею за другой. Например, как вам понравится идея о кавказской конфедерации – это притом, что христианские Грузия и Осетия должны будут в ней соседствовать с мусульманскими Дагестаном и Чечней. Или заявили, что Сочи несправедливо отобран у Грузии в 1918 году, несмотря на то что грузины в те годы были в Сочи всего несколько дней. Или прошел съезд полузабытой Конфедерации горских народов Кавказа – в начале девяностых у них были даже собственные боевые группы. Грузин не остановило даже то, что боевики КГНК во время войны в Абхазии воевали на стороне абхазов, Саакашвили, или Са, как его называли, было на это плевать. Как и на то, что в Грузии открыто действует фонд Фетуллаха Гюлена, интересы которого в Грузии представляет... мать Саакашвили, Гиули Аласания. Что государственные школы закрываются, а вместо них фонд Гюлена открывает частные бесплатные интернаты, туда дверь открыта всем, надо только принять ислам. Удивительнее всего то, что грузины, христиане, готовы броситься в объятия столетиями угнетавшей их Турции, только бы быть подальше от России. А потом и появляются статьи с перепуганными заголовками: в Грузии есть «Аль-Каида»?

Есть, есть...

Едва только придя к власти, Миша согласился открыть в стране центры подготовки боевых отрядов сирийского сопротивления. Вероятно, не было еще ни одного случая, когда государство само приглашало на свою территорию исламских экстремистов. Впрочем, после того как он раздавал гражданство неграм, удивляться и вовсе нечему⁹. А потом, появилась информация о наличии в Тушетии, в Ардотском ущелье, лагерей для подготовки боевиков Имарата Кавказ, причем, по агентурным данным, подготовку вели белые англоязычные европейцы.

– «М4».

– Она самая. Причем с глушаком. Гости оттуда...

Андрей снял трубку, перебрался словами:

– Флешка заговорила...

На экране большого телевизора – подрагивающее, неровное изображение. Снимают камерой телефона, причем не лучшего, причем из-за угла. Горы... не лысые, как в Афганистане, а покрытые зеленью. Черная точка, постепенно увеличивающаяся в размерах.

Это вертолет... да, это вертолет.

Американский «Блэк Хок», для таких мест штука очень редкая. «Блэк Хоки» есть в Турции и Польше, в Польше они производятся на заводе Сикорского. Эта птичка – на Западе так

⁹ В последние дни своего президентства, видимо, чувствуя проигрыш, Саакашвили заявил о том, что готов предоставить гражданство Грузии немедленно всем, кто обратится. В результате перед президентским дворцом образовался настоящий табор, было много негров. Предоставил ли Саакашвили неграм гражданство Грузии, автору неизвестно.

же хорошо известна, как «Ми17» у нас. Грузины еще во время правления Национальной мечты просили США дать им десять вертолетов... не продать, а дать, потому что денег у Грузии не было тогда, нет и сейчас. Им отказали... а сейчас возможно, что и дали. Или это американский вертолет. Скорее второе – идет уверенно, а это горы, на такую высоту не каждый вертолет поднимется. Скорее всего афганский вариант с более мощными турбинами.

Вертолет завис и начал садиться...

– Это Омало, – сказал Андрей, – там есть аэродром, единственный в этих краях.

Омало – административный центр Тушетии. Именно про Тушетию Георгий Данелия снял фильм «Мимино», именно оттуда его главный герой. Когда все это было...

Подъехали три внедорожника... все три «Ланд Крузеры Прадо», старые, выпуска еще... нулевых годов, им как минимум лет десять. В Грузии полно таких старых машин и стоят там машины сущие копейки, потому что правительство не берет пошлину за их ввоз. А машины хорошие, проходимые, комфортабельные...

Из вертолета высадились люди, расселись по машинам, и вертолет сразу взлетел. Машины тронулись.

Новые кадры. Лагерь... где-то в лесу, очень крутой спуск, установлены палатки. Крутизна спуска такая, что повсюду протянуты альпинистские веревки, чтобы держаться за них при передвижении и не улетать в пропасть. Сами палатки альпинистские.

Съемка еще хуже. Я знаю, через что снимают – это гибкий эндоскоп, который подцепляется к работающему на Андроиде¹⁰ любому телефону, стоит на «Амазоне» девяносто девять долларов и девяносто девять центов. Оператор медленно движется и поворачивается... скорее всего, объектив выведен где-то в районе шлема. Качество плохое... но все же можно рассмотреть происходящее. Группа мужчин, в военной форме...

– Стоп!

Я это выкрикнул. Не сдержался.

– Назад! Где мужики!

...

– Еще!

Да... так и есть.

– Карлайл. Это Карлайл...

Все-таки жив... гнида...

¹⁰ Операционная система Андроид.

Картинки из прошлого Сирийская Арабская республика Хомс, Старый город Машкуф-маркет 1 сентября 2013 года

Первое сентября. Я всегда ненавидел этот день...

Этот день означал, что я должен был идти в школу. Первый день был еще ничего – большую его часть занимало торжественное построение на стадионе за школой. Обычно было уже прохладно, выступали учителя, затем директор школы Ирина Михайловна. Затем – по традиции – давали первый звонок, и одиннадцатиклассники несли или вели первоклашек в школу. За ними за всеми шли уже мы, школа встречала нас покрашенными масляной краской стенами, покрашенными такой же масляной краской партами с хлябающими откидными частями столешницы – их откидывали, чтобы удобно сесть, и каждый уважающий себя чатланин должен был оставить на ней послание потомкам. Я был большим – и парта мне всегда была тесна...

И все это – нудную рутину уроков, необходимость делать домашние задания, в то время как хочется погулять – мы воспринимали как наказание... думали – уж, когда мы станем взрослыми и не надо будет делать эти чертовы домашние задания. Мы радовались, если школу закрывали на карантин или по причине морозов. Но почему-то никогда не приходило в голову, а что будет, если школы действительно не будет? Школы не будет, и мира вокруг не будет – того самого мира, который не воспринимается как какая-то ценность. Мира, когда вокруг не стреляют, не рвутся ракеты и с вертолетов на город не сбрасываются бочки со взрывчаткой.

Что ж, теперь я точно знаю, как это бывает – когда нет мира и школы нет. Потому что я вижу это своими собственными глазами.

Сирия. Первое сентября. Дети не идут в школу.

Дети прячутся от бомбежек...

Мы сидим в одном из домов на границе Баба-Амра и старого, с невысокой застройкой города. Этот район, был местом жестоких боев, он напоминает Грозный на изломе тысячелетий. Высотная застройка здесь чередуется с малоэтажной, но разрушено все. Армия, не имеющая навыков городских боев, просто делала то же, что делали мы в Грозном, столкнувшись с сопротивлением, начинала работать артиллерия. Вертолетов тут тоже не было, точные удары не наносились. В результате нет такого дома, который бы не пострадал от артиллерийских ударов. В нашем – рухнул угол, но в остальном каркас здания еще держится.

Под нашим домом – старая баррикада, и дальше по улице – точно такая же, брошенная отступающими боевиками – они отступили в Старый город, где есть подземные ходы. Отсюда мне хорошо видно старую баррикаду – в ее основе белый пикап «Иж», «пирожок». Словно напоминание о доме... в Сирии больше, чем в любой другой арабской стране, нашей техники, ее тут очень активно покупали. Но теперь ее вытесняет китайская, как тот джип, на котором нас подвезли до передовых позиций...

Мы сидим. Пьем чай – крепкий, с кардамоном. Лениво слушаем звуки боя. Сейчас линия фронта пришла в какое-то оцепенение, боевики Свободной армии и экстремисты уже несколько дней неактивны. Ждут натовских авиаударов.

Мы тоже ждем...

Все началось здесь с того, что несколько пацанов – здесь в этом городе – написали на стенах что-то непотребное о главе государства. Их схватили и, видимо, запытали до смерти агенты разведки ВВС, основной разведывательной службы этого государства – Хафез Асад был гене-

ралом ВВС, и с тех пор разведка ВВС является основной. Пришедшим отцам сказали – забудьте этих детей и сделайте новых. Я сильно сомневаюсь, что Башар Асад, врач-офтальмолог с британским образованием и нынешний глава государства, одобрил бы такое или хотя бы знал об этом. Со времени смерти его отца в государстве произошло как бы некоторое разделение – Башар занимался экономикой, международными делами, а спецслужбы жили своей содержательной жизнью. Включающей в себя крышевание контрабанды и прочие фокусы. Башар с ними ничего сделать не мог, если бы попытался, они бы его наверняка свергли и поставили бы... да и хотя бы его сводного брата Махера, который известен тем, что при ссоре с одним из своих подчиненных выстрелил ему в живот. Махер сейчас возглавляет нечто вроде дивизии специального назначения, там только контрактники, и он один из немногих, что не предал. Я лично его знаю, человек, конечно, несдержанный, но как друг готовый все для тебя сделать. Вот и найди правду в гражданской войне...

Прошли похороны – подростков, которых убили агенты Службы авиационной разведки. На выходе из кладбища – внимание – по скорбящим открыли огонь неизвестные снайперы. Погибли еще люди, сколько – уже не помнит никто, но точно не меньше десятка. Их похороны уже вылились в вооруженный мятеж.

Неизвестные снайперы. Деталь, повторяющаяся из раза в раз. Думаю, повторится еще не раз и не два...

Надо сказать, что в Хомсе, в городе водяных колесниц, уже было такое. В восемьдесят втором. Тогда, брат Хафеза Асада сравнивал мятежные кварталы с землей артиллерией, убив сорок тысяч человек. Мировое сообщество посмотрело на это и отвернулось... восемьдесят второй год, разгар «холодной войны». Ядерный пат. Никто не хотел вмешиваться. Но сейчас принято вмешиваться, и международное сообщество горячо одобрило вооруженный мятеж, ожидая, что будет что-то вроде Арабской весны. Только Арабская весна раз от раза становится все кровавее и кровавее. В Тунисе крови не было. В Египте погибли несколько десятков человек. В Ливии погибли уже тысячи, в стране началась гражданская война. А вот сколько погибнет здесь – неведомо никому. Но... много, очень много.

По крайней мере число жертв этой войны давно перевалило за сорок тысяч, а нестабильность грозит перекинуться и на соседей.

Мы сидим. Пьем чай. Смотрим на часы...

Темнеет.

Гражданская война развивалась по своим законам... но уже к осени прошлого года стало понятно, что силы примерно равны. Изначально правительственные силы были слабее, ослаблены дезертирством – так получилось, что у сирийской армии было много бронетехники и мало пехоты... ну и сама техника была довольно старой – в Сирии было немного нефти, и они последний раз крупно вкладывались в перевооружение в восьмидесятые. Но Башар сделал несколько точных и выверенных ходов – в частности, пообещал курдам на севере автономию и предоставил их ополчению охранять собственную землю, а они мятежников из Хомса в гробу видели. Помог и глава Ирака, премьер Нури аль-Малики – он пару месяцев выплачивал сирийским солдатам жалованье, как говорят, из своих собственных денег, и обеспечил те критические месяцы, которые были необходимы для перевода экономики на военные рельсы. В итоге, положение постепенно начало клониться в пользу Башара, но тут против него выступили все соседи, особенно активно – Турция. Именно на ее территории находятся лагеря беженцев и готовят боевиков. В Турции боевиков готовит турецкая армия, а вот в Иордании – британские и американские инструкторы. 22 САС и ЦРУ.

Маятник опять качнулся, но на этот раз победу не дали одержать уже мы. Этим летом крупная ударная группировка, первый выпуск подготовленных в Иордании боевиков, вместе с немногочисленными бойцами иорданского спецназа и группой инструкторов попали в засаду. Засада была целиком нашей идеей – операция почти в точности повторяла «охоту на волков»,

когда основные силы боевиков пытались прорваться из Грозного и Басаев именно там подорвался и потерял ногу. Мы подставили им агента, целого армейского полковника, который за большие деньги согласился помочь «прекратить братоубийственную войну», выведя отборные силы боевиков прямо в Дамаск. В Лондоне и Вашингтоне прикинули и согласились – расчет, видимо, был на то, что бои в столице создадут панику и сломят режим. Но получилось все совсем по-другому – на марше отряды боевиков накрыла артиллерия и «Град». Группировка была разбита и сломлена, а летнюю кампанию с этого момента следовало считать выигранной нами и проигранной боевиками. Но как показало время, боевики не останавливаются ни перед чем, и двадцать первого августа этого года мировые СМИ сообщили о применении правительственными войсками химического оружия в Гуте. Это произошло почти сразу после того, как Барак Обама объявил о «красной черте» – применении режимом Асада химического оружия против собственных граждан. Будь я на месте Барака Обамы сейчас, я бы сильно задумался, а кому выгодно применение химического оружия почти сразу после заявления о «красной черте»? Уж точно не властям Сирии.

Но я не на месте Барака Обамы. Я – на своем месте. Здесь, в Хомсе, на границе Баба-амра и Старого города. В сирийском Сталинграде.

Я уже давно перестал искать правду на войне. Чечня, знаете ли, не способствует правдоисканиям. Есть свои и есть чужие. И все. Здесь я советничаю, пытаюсь передать сирийским войскам наш опыт боев в населенных пунктах и одновременно веду оперативную работу...

Чеченцев здесь много. Их много и в Иордании, там вообще немало черкесов, как называют там всех жителей Кавказа (для чеченцев, впрочем, появилось собственное определение, «шишани», здесь почему-то считают, что все чеченцы очень бедные, прямо в нищете живут). Немало их прибыло сюда после второй чеченской – Сирия вообще закрытая, по современным меркам, страна, а Башар Асад на склоне лет слишком многих напускал в страну, частично это и послужило причиной сегодняшней войны¹¹. И на многих у нас сохранились расписочки, сохранились конвертики. В хорошей спецслужбе вообще ничего не пропадает – ни одна бумажка, ни один человек. Есть расписки о сотрудничестве, возможно, те кто их давал, а потом покинул Россию, уже давно забыли про них. И есть я, чтобы им об этом напомнить. А если не вспомнят, то информацию можно и пустить в публичное обращение. Нравы здесь простые и жестокие, и разоблаченного шпиона ожидает зверское убийство, чаще всего – сжигают заживо. Различные спецслужбы, а их при Хафезе Асаде было то ли пятнадцать то ли восемнадцать, изрядно попортили жизнь жителям этой страны, и на сообщение о том, что такой-то и такой-то является агентом спецслужбы, реагируют соответственно. Тем более российской спецслужбы. Русских здесь кто боготворит, кто люто ненавидит. Китай тоже за нас, но держится в стороне. Мы идем ледоколом...

Почти стемнело...

Мы сидим на лоджии-террасе некогда обычного дома в Хомсе – терраса здесь больше, чем комнаты в некоторых наших хрущобах, это все потому, что арабы любят спать на свежем воздухе, это у них в крови. Мешки с песком, пробитые отверстия в стенах – старые, оставшиеся от снайперов Свободной Сирии – и новые, уже наши. Снайперы здесь – один из краеугольных камней войны, наряду с артиллерией. Снайперы есть и с той стороны, и с нашей, снайпером считает себя любой, у кого есть винтовка с оптическим прицелом. Я видел людей, которые пробивали бойницы в стенах собственной квартиры – тут же жили и тут же убивали. В стране идет противостояние между мусульманским суннитским большинством и меньшинствами, курдами, которые не пускают никого на свою землю, но и сами дальше не идут, шиит-

¹¹ Одна из причин войны в Сирии – перенаселенность. Сирия небольшая страна, а после вторжения американцев в Ирак в нее хлынули беженцы. Сначала – деятели режима Саддама, потом просто спасающиеся от резни люди. В результате резко выросли цены на жилье, на землю, начались конфликты местных и приезжих. Возросшая социальная напряженность стала одной из причин войны.

тами, за которыми стоит Иран и алавиты – влиятельной сектой, к которой принадлежит и семья Асадов. Что такое алавиты, я и сам пока не могу понять, в некоторых вопросах они, как мусульмане, в некоторых, как христиане. Христианское учение здесь древнее, здесь есть до сих пор деревни, где сохранился арамейский язык – тот самый, на котором в свое время разговаривал Иисус Христос.

Нас немного – несколько человек. Контрактники, прикрывающие меня, человек из шабихи – местного христианского ополчения, которое обвиняют в пытках, похищениях и убийствах. Часто эти обвинения правдивы – правда, обвиняющие забывают добавить, что мусульмане отличаются ничуть не меньшей жестокостью. Начальник аванпоста Рашид – человек со сложной судьбой, он амнистированный. В самом начале перебежал на сторону ССА, Свободной сирийской армии, потом разочаровался и воспользовался амнистией. Амнистия – это тоже наш совет, даже несмотря на риск враждебного проникновения, надо объявлять амнистию, это дает возможность уйти из бандформирований тем, кто разочаровался и не хочет там быть. Он рассказал, что сопротивление сильно изменилось. Если раньше они не хотели ничего, кроме свободы, и сражались за свободу для всех, в том числе и христиан – алавитов, то теперь в сопротивлении все больше исламских экстремистов, говорящих о необходимости поголовного уничтожения всех, кто не уверует. Для Сирии, одной из самых мультиконфессиональных стран Востока (Бащар Асад, к примеру, алавит, а его супруга мусульманка) – это означает полное уничтожение общества и самого духа страны, где когда-то проповедовали святые апостолы. Именно Рашид хорошо знает этот район и поможет мне пробраться на рынок. Туда, где у меня встреча с информатором...

Еще с нами Аиша. Она немного выучила русский и часто сопровождает нас. Она православная христианка, что здесь редкость. Ее брата, бойца пятой мотострелковой дивизии, одного из самых боеспособных армейских подразделений, взяли в плен во время одной из операций. Зная, что он христианин, исламские боевики распяли его, приколов к воротам дома, и сняли это на видео. Поскольку в семье больше не было мужчин, на фронт пошла она...

Аиша – странно, но православную христианку зовут, как супругу Пророка Мухаммада – снайпер. В гражданской жизни она учитель математики, возможно, отсюда у нее терпение и умение считать в уме. Терпение нужно, чтобы справляться с учениками. Умение считать, чтобы быстро вычислять нужную поправку – девяносто процентов местных стрелков не знают слова «поправка». Она пользуется двумя типами оружия – либо это «РПК74 5,45» со снятыми сошками, оптическим прицелом и полностью убирающим вспышку пламегасителем, или «МЦ116 М». Последняя – довольно редкая винтовка, она создана на основе спортивной. Проиграла конкурс на снайперскую винтовку для Российской армии ижевской «СВ-98», но выпускается серийно. Ее приняли на вооружение несколько небольших стран, таких, как Белоруссия, Сирия и Йемен. В числе прочего она питается от магазина «СВД», что очень удобно, но она намного точнее «СВД», вполне может уверенно поражать цели на шестьсот – семьсот метров, а вести беспокоящий обстрел с высокой вероятностью попадания, а может и до тысячи. Аиша с нами, потому что мы ей доверяем и потому что я привез ей подарок – ночной прицел новосибирского производства третьего поколения и глушитель. Этот прицел и глушитель должны позволить ей зачистить от снайперов прилегающую территорию и дать нам возможность перебраться через нейтралку – нейтральную зону, а потом вернуться назад.

Аиша сидит напротив меня. Она сделала себе новую прическу каре, как у Мирей Матье, и утром она спрашивала, нравится ли мне. Я сказал, что нравится. На ней – не менее ста пораженных целей, включая девятнадцать вражеских снайперов. Или тех, кто тут считает себя снайперами. В основном это просто ублюдки, которые берут винтовку с оптическим прицелом, сидят на стуле перед дыркой в стене и тупо стреляют во все, что движется. Убить таких – оказать большую услугу человечеству...

Аиша обычно прикрывает лицо куфией или надевает маску – она достаточно осторожна и не любит, когда кто-то видит ее лицо. Однажды ей удалось выбраться с позиции, надев мусульманскую одежду – комплект всегда лежит в ее рюкзаке. Она прекрасно знает, что с ней будет, если она попадется – боевики ненавидят снайперов, а если против них воюют женщины, они просто звереют. Будут долго насиловать, потом посадят на кол или разорвут машинами. А видео выложат в Ютьюб.

Не лучшая участь ждет и меня, если я попадусь. Но я не попадусь. У меня с собой постоянно взрывное устройство, из-за этого сирийцы относятся ко мне с опаской и называют «шахид». Сдаваться в плен я точно не собираюсь.

А пока мы сидим. И пьем чай. Утром я смотрел Интернет – бомбежки начнутся со дня на день, так обещают мировые лидеры. Что тогда будем делать? Не знаю. Наверное – выбираться отсюда. Или останемся с сирийцами до конца. Я еще сам не решил. По идее я должен буду вернуться. Но сердце подсказывает остаться. Если начнется наземное вторжение с Иордании, а экспедиционные силы морской пехоты уж там, то мне составит большое удовольствие погибнуть в бою с американцами, забрав нескольких из них. В конце концов я тоже снайпер, и очень неплохой.

Нет, я не ненавижу американцев. В жизни это нормальные люди. Проблема в том, что они приходят туда, куда их не зовут, и делают то, о чем их не просят. Если их не остановить здесь, рано или поздно они придут и к нам. Просто потому, что могут прийти. Могут – значит, придут.

Или пришлют отмороzków отсюда. Улицы – в надписях баллончиком, много на русском. Русскоязычных боевиков здесь – несколько тысяч, здесь есть целые подразделения, в которых язык общения русский, а не арабский. Надписи на стенах – сегодня Дамаск, а завтра Русня¹² – оптимизма не внушают...

На столике – с него мы вытерли кирпичную пыль – звонит телефон. Рашид отвечает.

– Проводник здесь...

Аиша резко встает и привычно прикрывает лицо куфией.

– Я пойду на позицию.

– С богом.

– С богом.

Она никогда не остается в таких случаях.

Я тоже встаю. Одно из правил выживания на войне – не выделяйся среди остальных – я соблюдаю: на мне либо форма сирийской армии, либо коммерческая форма, которую носят боевики – им ее подбрасывают в качестве гуманитарной помощи, форма еще с восьмидесятых, с европейских складов. Сейчас мне надо переодеться, у меня в рюкзаке – обычный бундесовский флектарн, дешевый и прочный. У него короткие рукава и штанины, но это удобно, не путаешься в рукавах, и низ брюк не пачкаешь, и не цепляется ни за что...

– Там чисто?

– Да.

Не веря, проверяю фонариком. Это совмещенный санузел – ванная и туалет. Метров шестнадцать... широко тут жили. Туалет тут арабский, без унитаза – просто углубление в полу. Вместо кувшина с изогнутым носиком смыв, но вода стекает прямо по желобу в стене, без трубы. Не знаю, почему так...

Переодеваюсь. Оружие при мне обычное, армейское, «АКМ» с подствольником «ГП-25». Еще пистолет с глушителем – китайский «СИГ». Главное мое преимущество – ночные очки, пятидиапазонный лазер на цевье автомата и термооптика. Обычный поисковый монокуляр Flir Scout, стоит сто тысяч рублей, позволяет видеть человека до четырехсот метров. На термооп-

¹² Обычное на Кавказе слово. Россия – Русня, русский – русист.

тический прицел, выдерживающий отдачу винтовки у меня нет денег, но можно охотиться и с этим. Сначала монокуляром находишь позиции боевиков, затем включаешь лазер в инфракрасный режим и наводишь на цель. Дальше – или стреляешь сам, или наводишь снайпера...

Бронежилет. Пояс – на нем четыре магазина. Фронт оставляю весь голый – придется поползать. На поясе – самый минимум. Основной запас снаряженных магазинов – шестнадцать штук – в дюффеле, удобной большой немецкой сумке, которую можно носить и как сумку, и как рюкзак. Если кто думает, что носить двадцать снаряженных магазинов, это слишком, добро пожаловать в Сирию. В свободную Сирию.

Свободную от всего...

Выхожу. Проводник уже здесь, худенький, щуплый парень. Солнце почти скрылось, и нет дураков зажигать здесь свет – потому он почти не видит меня, а я его. Меня можно принять за кого угодно с бородой – в том числе и за иранца. Иранских советников тут немало, Иран помогает Сирии, пытаюсь создать шиитский коридор Иран – Ирак – Сирия – долина Бекаа, Ливан. А иранцы обычно выше ростом, чем арабы.

– Выходим, – подытоживает Али, старший группы прикрытия, – Бисмилло рахмону рахим.

– Омен. – Мы синхронно проводим ладонями по щекам.

Али мусульманин, но нормальный. Я христианин. Но мы уже просекли, как повысить свои шансы остаться в живых. Тот, кто прошел Сирию, этим искусством владеет в совершенстве...

Мертвая зона. Слева футбольный стадион – Рашид говорил, что его перестроили в две тысячи десяток, и он был заядлым футбольным болельщиком. До того как все началось. Из наших команд Рашид знает «Спартак» и «Зенит». Сейчас он сильно пострадал от обстрелов, а в его развалинах могут скрываться снайперы противника. Еще дальше – две одноподъездные свечки, предположительно, там боевики. Сплошной линии фронта тут нет – слоеный пирог.

Бежать или ползти?

Вечная дилемма для того, кто находится под прицелом снайпера. Если ползти – могут и не заметить, но тогда снайпер тебя подстрелит, если заметит, не торопясь, но со вкусом. Если бежать, то могут пристрелить на ходу, а могут и не пристрелить. По-разному.

Бежим!

Все вместе, как лоси. И вваливаемся в проулок, а вслед нам цокают по стенам запоздалые пули...

Рынок Машкуф.

Он – крытый, как старые торговые ряды. Сейчас в нем темно, свет дают только многочисленные дыры от осколков в листах жести, которыми крыта крыша. Лабиринт минотавра – выход знают только местные. Сейчас на улице день, но здесь темно, лишь лучики света, сочащиеся через крышу, недоверчиво щупающие закопченные стены, говорят о том, что сегодня не ночь, а день...

Сюда мы добрались еще ночью. Заняли позицию в одном из заброшенных магазинчиков. Магазинчики здесь – это что-то вроде пещер, стены старые, но они закрываются современными, подъемными ставнями. Многие магазины выгорели, некоторые подожгли сами владельцы, чтобы не достался врагу. Тот, в котором мы прячемся – судя по записям в книге, которую мы выбрали на полу, – принадлежал армянину. Армян на Ближнем Востоке немало, и почти все заняты торговлей...

В трех точках от нас на противоположной стороне торговой улицы горит магазин. Вяло так горит... догорает, можно сказать. Редкие прохожие равнодушно идут мимо, никто ничего не тушит. Прогорит само...

Стоицизм местных поражает. Я видел людей, которые год жили на линии огня, под обстрелами, но не уезжали. Во дворах хоронили соседей – не уезжали. В дома попадали снаряды – как-то чинились, переходили в соседнюю квартиру и жили дальше...

Человека, с которым я должен встретиться, зовут Адам. Это старый волк, он еще охранял Дудаева. Старые дела – Грозный, администрация президента на Чехова, восемь – довелось бывать, знаете ли. Живет здесь, официально он не в бандформированиях, но в чеченской общине он не последний человек. Здесь он взял себе двух жен, сыновья – в бандах. Так что знает он многое...

И расписочка его у нас сохранилась. Хорошая расписочка такая...

Время до контакта еще есть...

Я лежу на полу, на боку, подстелив под себя каремат – еще Уинстон Черчилль говорил, что никогда не надо стоять, если можно сидеть, и никогда не надо сидеть, если можно лежать. Просматриваю налево темную, подсвеченную только сочащимся через дырявую крышу светом торговую галерею – она большая и высокая, может целая фура зайти. Или пикап с пулеметом. Здесь такие называются «техникал», техничка. Китайский пикап, вырезанный из трубы большого диаметра, щит и пулемет – обычно румынский «ДШК», которые сюда в большом количестве передают американцы, и заканчивая «КПВТ», снятый с подбитого БТРа. Точность у такой вот кракозябры почти никакая, но для беспокоящего обстрела позиций в цели размером с жилой дом или квартиру вполне подходит. Такие вот технички – кошмар для любого снайпера...

Мысли плавно переползают на Аишу. У нее никого нет, и у меня тоже никого. Наш резидент в Дамаске, генерал Толстопяттов ухмыляется – много лет назад он тоже был здесь советником. В восемьдесят втором. Из-за смещения кровей и господства здесь французов в межвоенный период – сирийки очень красивые, и считают своим долгом подарить ночь любви шурави, который уходит в бой за их страну. Но мне бы не хотелось думать, что у нас с Аишей все так.

Я с самого начала сказал, что перспективы нет. Она сказала, что все понимает. Но все равно ни о чем не жалеет.

Нет здесь места для жалости.

– Справа. Один человек.

Другое направление просматривает Муса, один из телохранителей...

Он?

Для встречи у нас здесь другой магазинчик, разбитый и выгоревший. Дальше по галерее.

– Один?

– Один...

Надо идти.

В дальней стене пролом в соседний магазин, там все выгорело. Выбрав момент, я выбираюсь перекатом. Привычная тяжесть дюффеля не давит на плечи, и без него я ощущаю себя голым. Под ногой хрустит битое, закопченное стекло.

Иду по галерее, чуть сгорбившись. Люди, идущие навстречу, как сомнамбулы, они уже устали бояться и на автомат в мои руках не реагируют.

Так...

По договоренности, если контакт возможен, агент должен оставить отметку мелом на стене, на повороте. И все бы хорошо, да только ни хрена не видно тут в темноте! Вроде есть. Ну не будешь же фонарик включать. Это привлечет внимание...

Старая точка встречи была ближе и лучше приспособлена для такого рода встреч. Но там уже сирийская армия...

– Марша вог'ъила, – говорю я приветствие по-чеченски.

– Салам...

Агент – ждет меня в магазине, в руке – редкий здесь «Байкал», пистолет Ярыгина. Им только недавно начал вооружаться сирийский спецназ, самые элитарные части.

– Где взял пистолет? – спрашиваю, чтобы завязать разговор.

– Где взял, там уже нет. Принес?

– Сначала – товар.

Агент протягивает флешку.

– Что там?

– Записи.

– Ты установил?

– Мой человек.

Записи, имеется в виду записи в штабе сопротивления. Адам туда допущен, с американцами он знаком еще с Чечни, когда американцы ставили в горах станции радиоразведки, работавшие по всему югу России.

– По газовой атаке что знаешь?

– Там есть...

– А словами?

– Джабраил был очень недоволен. Говорил, что он встал, чтобы защищать народ, а не убивать его. Муса сказал, что там в основном шииты подошли, потеря невелика.

То, что и следовало ожидать.

– Вот, держи.

Я даю свою флешку.

– Что это?

– Там есть ноутбуки?

Адам кивает.

– Вставь флешку в любой компьютер и поддержи секунд десять. Если захотят проверить, можешь отдать, не бойся. Там только видеозаписи.

Наушник в ухе раздражается трелью – сигнал тревоги.

– Что там?

– Несколько человек. Вошли в галерею. С оружием.

– Сколько.

– Семь... восемь.

Хреново...

– Ищут что-то?

– Идут. Быстро.

Я быстро прикидываю, что к чему.

– Несколько человек идут с восточной галереи.

Адам моментально вскидывается, пистолет направлен на меня.

– Деньги давай!

Я левой рукой бросаю пачку, правая – в кармане.

– Уходи. Я тут останусь.

Не прощаясь, Адам выскальзывает в галерею. Я остаюсь наедине с темнотой...

Бежать в таких случаях – не самое правильное решение. Бежишь – значит, виноват. Остается шанс, что они не начнут проверять все подряд, и вряд ли они знают нужный магазин. Тогда они просто пройдут мимо. Если же не пройдут... в левой руке у меня длинная, болгарская граната, переделка из «ВОГ-17» – это «хаттабка», только фабричного изготовления. Катнуть такую в проход – хватит всем. Дальше очередь из автомата – и ходу...

Треск, словно новогодний фейерверк. Перестрелка!

Слоновий топот... бегут по переходу. Я выдергиваю чеку из гранаты...

Мимо! Пробежали мимо. Ну, и что мне теперь делать с гранатой?

Отправляю ее на проход и, дождавшись гулкового хлопка, из-за угла опорожняю магазин автомата. Можно было бы их пропустить? Можно. Но, во-первых, может, я подарю хоть какой-то шанс Адаму, во-вторых, вот эти уж точно никого не убьют. В-третьих, если это засада, то они окружили или окружают рынок...

Бегу назад. На полпути вспоминаю, что так можно и пулю в грудь получить. Решение приходит мгновенно – я бегу и ору «Башар акбар! Башар акбар!» Может, и не пристрелят...

Гвардейцы у магазина ждут меня. К счастью, не пристрелили.

– Go! Go!

Почему-то сирийцы отлично понимают простейшие команды на английском, видимо, это от видеоигр, в которые на Востоке почти что вторая религия...

Выход из темноты торговых рядов – как печь. Вдруг мне приходит в голову, что, выскочив из темноты на свет, мы станем слепыми.

– Стой! Занять оборону!

Али лихорадочно кричит в сотовый, договариваясь о минометном ударе. Рашид рядом с нами, он никуда не сбежал. Держит автомат, готовый на все.

– Есть другой выход?!

Он отрицательно качает головой.

– А с другой стороны?

– Есть лаз...

Я хлопаю по плечу Али, привлекая внимание – и в этот момент, с улицы начинает бить крупнокалиберный пулемет. Техничка! Под ударами пуль разлетается стена, все заволакивает кирпичной пылью.

Кто-то громко, в голос, перекрикивая даже автомат, говорит молитву.

– С другой стороны!

Али кивает.

Начинается минометный обстрел, который одинаково опасен и для нас, поскольку мина может пробить то, что осталось от крыши, и пошинковать в фарш нас. Мы отступаем – Али выбрасывает наружу самодельную гранату с минутной задержкой. Гвардейцы научились их мастерить сами – одна из трех не срабатывает, но сюрприз очень неприятный...

За поворотом, оставляем группу прикрытия и с ходу нарываемся на боевиков, которые заскочили под крышу в поисках укрытия. Начинается перестрелка – дурная и бестолковая...

Конец ей кладет мина! Срывая остатки крыши – она падает как раз там, где засели обстреливающие нас боевики – у самого входа. Сто двадцатая мина разрывается, по центру галереи, разбрасывая смертоносный металл. Мы лежим и падаем, а на нас падают обломки.

Али что-то кричит, хотя слышно плохо. Надо идти...

На улице стоят машины, кого-то заталкивают в микроавтобус... люди с оружием и в черных повязках. Кто-то уже бежит к месту взрыва... никто и подумать не может, что здесь, в Старом городе – бойцы республиканской гвардии. Наше появление становится полной неожиданностью.

Желтые повязки! ССА! Свободная сирийская армия, у ваххабитов повязки зеленые и черные.

Обе стороны открывают огонь почти в упор, падает кто-то из наших, но мы готовы были стрелять, а они – нет. Это и решает исход.

Пикап! Пикап в стороне!

Я отрываюсь от остальных, чтобы посмотреть, кто в микроавтобусе. Водитель на переднем лежит, на стекле – кровь. Еще один – у открытой двери.

Так и есть. Адам.

Быстро обшариваю карманы, забираю пачку денег и мобилу. Меня хватают и начинают тащить. Все правильно...

Трогаемся...

Нас всего несколько человек. И у нас всего одна машина. Чтобы вы понимали, дорога, по которой мы идем, – это зона свободного огня. К тому же машина трофейная. По нам могут стрелять все без исключения – ССА, боевики Исламского государства, снайперы Шабихи¹³, наконец, наше собственное прикрытие. Здесь никто не разбирается, что к чему – стрелять начинают сразу. Все просто пытаются выжить, а правило для выживания одно: убей, пока не убили тебя.

Впереди – что-то типа блокпоста. Сюда уже сообщили – по укрытиям разбегаются боевики. Скорее всего, там есть и крупнокалиберный пулемет...

Рашид, который за рулем, направляет машину на скорости в какой-то проулок, и почти сразу мы встаем – обвал! Обстрел или бомбежка разрушили здание, и дальше не проехать – целая гора обломков перекрывает узкий проезд. Машина с ходу влетает в этот завал и останавливается, нас бросает вперед...

– Из машины! Живо!

Пулемета нет. В смысле – по нам не стреляют. Возможно, он у них есть, просто направлен в другую сторону, а чтобы развернуть крупнокалиберный пулемет на сто восемьдесят, нужно время, это не «ПКМ». Высота кузова пикапа и то, что осталось от здания, позволяют нам забраться сначала на кабину, потом на второй этаж – сразу. Это хорошо – на первом этаже обычно бывают растяжки, а разминировать некогда. Лезем в то, что осталось от окна...

Я уже внутри, когда сзади гремит автоматная очередь...

– Куда? – Али не пострадал, глаза сверкают.

– Туда... – Рашид держится за грудь.

– Ты точно знаешь?

Вместо ответа Рашид кривится, он налетел на руль и, возможно, поломал ребра. Но сейчас не до этого.

– Двинули!

Идем вперед. Страшная картина – оставленный жильцами, пострадавший от бомбежек и обстрелов дом. Мы все выросли в Советском Союзе в таких вот многоквартирных домах. И их строили совсем не для того, чтобы вот так вот...

Я иду третьим, и как раз мне-то и удастся услышать и увидеть движение на лестничном марше этажом ниже. Думать некогда – дергаю чеку и бросаю хаттабку вниз. Взрыв, пыль, крики...

– Аллах Акбар!

– Башар Акбар! – с этим криком вниз отправляют еще одну хаттабку.

Меня толкают в спину – прикрытие займется. Мы заходим в квартиру – я, Али, Рашид. На лестничной площадке все двери настежь – грабили...

– Куда?

– Надо с той стороны выйти.

– Ты точно знаешь?

Али педант. Этим он похож на немца. В бою ничего нельзя знать точно.

– Идем, – говорю я, – здесь нельзя останавливаться...

Идем вперед, втроем. Первый – Али. С той стороны, где нам надо выходить, здание внешне не повреждено. Али выставляет автомобильное зеркало на длинной ручке, смотрит какое-то время. Потом выдыхает – чисто!

¹³ Народное ополчение алавитов, часто под командованием служивших в армии людей. Западное телевидение обвиняет Шабиху в жестоких расправах над мусульманами, но почему-то предпочитает молчать, когда боевики ИГ вешают за ноги двенадцать человек на автозаправке или украшают пулеметные технички отрезанными головами (и то, и другое доказано, есть фотографии).

Первым выходит на балкон – и тут же раздается... хлопок... не хлопок, не знаю, что это. Мерзкий звук, короче. Верхняя часть Али – буквально взрывается в кровавом тумане, он падает – и мы падаем на пол вместе с ним.

Снайпер. Скорее всего пятидесятый калибр.

– Я-лла! Я-лла! – причитает Рашид.

– Заткни пасть! – ору я.

Не поднимаясь, затаскиваю Али внутрь. Помочь ему ничем нельзя – руку оторвало, точно пятидесятый калибр. Эта чертова война вообще война снайперов с пятидесятым калибром. Они везде. Исламисты в своих мастерских делают примитивные снайперские винтовки из запасных пулеметных стволов. Кучность ужасная, но им много и не надо, это не снайперские винтовки в обычном смысле этого слова. Это оружие поддержки для мелких групп, от него требуется всего лишь пробивать стену и броню БТР, разбивать бетонные блоки постов, пробивать мешки с песком и земляные брустверы. Дальше чем на четыреста метров из них не стреляют. Но на четыреста – живых не остается...

– Ла иллахи... – с трудом говорит Али. – Илла Ллагъ...

И умирает с шахадой на устах. Умирает, как мусульманин, от рук тех, кто также считает себя мусульманами, но их ислам имеет с истинной верой не больше общего, чем законный брак с изнасилованием. Еще пророк Мухаммад строго-настрого запрещал обращать в ислам насильно. Хадисы полны описаниями того, как люди принимали ислам, пораженные мужеством и в то же время великодушием воинов пророка. И век назад имам Шамиль, помня об Аллахе, не стал требовать от русских пленных солдат принять ислам под угрозой отрезать голову, а всего лишь сказал им выбрать себе попа и построить место для молитвы.

Христианской молитвы.

Мне бы тоже помолиться, но нет ни времени, ни сил, да и обстоятельства не те.

В комнату кто-то вбегает – и тут же здание сотрясает страшный удар. Со стен сыплется бетонная пыль...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.